

Ἑρμηνεία

«Герменейя». Журнал философских переводов

№1 (1) 2009

Гуго Сен-Викторский
Серен Кьеркегор
Мартин Хайдеггер
Жиль Делез

в переводах
А. Апполонова
А. Лызлова
Э. Сагетдинова
Т. Зарубиной

Содержание

Гуго Сен-Викторский. О созерцании и его видах. <i>Перевод А. В. Аполонова</i>	3
Феофинос Абазидис. Время и вечность у Григория Нисского. <i>Перевод Л. В. Луховицкого</i>	34
Сёрен Кьеркегор. Понятие страха. <i>Перевод и послесловие А. В. Лызлова</i>	49
Мартин Хайдеггер. Вклады в дело философии. От события. <i>Перевод Э. Сагетдинова</i>	56
Владимир Бибахин. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge»	95
Христос Яннарас. Православие и Запад. <i>Перевод Е. Чепель</i>	118
Жиль Делез, Феликс Гаттари. Ризома. <i>Перевод и предисловие Т. Зарубиной</i>	141

О созерцании и его видах

ГУГО СЕН-ВИКТОРСКИЙ

*Перевод с латинского Алексея Анполонова
При работе использовался перевод отдельных разделов
трактата («О пяти способах познания Бога»),
осуществленный М. А. Гарнцевым,
с разрешения последнего*

Согласно главнейшим древним авторитетам, созерцание есть движение духа по многообразным спасительным путям; или же созерцание есть просвещение ума, спасительно связующее дух с невидимым Божьим. И у созерцания имеется четыре основных вида: размышление, внутренняя беседа, осматривание, восхождение.

О РАЗМЫШЛЕНИИ

Размышление есть тщательное рассуждение в совещании [с самим собой], которое исследует причины и происхождение, моду и полезность той или иной вещи. Размышление берет начало во внимательном чтении, но оно не ограничивается никакими правилами или предписаниями чтения: в самом деле, рассуждение предпочитает разворачиваться в некоем открытом пространстве, где оно предается свободному исследованию созерцаемой истины и затрагивает то те, то эти причины вещей, проникая в глубины и не оставляя ничего сомнительного или неясного. Итак, начало науки — в чтении, а завершение — в размышлении. И чем больше некто приучился любить его, и чем чаще желал предаваться ему, тем большую радость он обретает в жизни и большее утешение в невзгодах.

Есть три рода размышлений: один заключается в обозревании нравов, второй — в изучении заповедей, третий — в исследовании божественных трудов. Нравы суть в пороках и добродетелях; божественные заповеди нечто предписывают, нечто запрещают, а нечто допускают; труд Божий есть то, что Он творит [Своим] могуществом и что управляется мудростью и чему со-действу-

ет благодать. И все это достойно восхищения тем более, что чем больше некто знает, тем тщательнее он обычно размышляет о чудесных делах Божьих.

4

Гуго
Сен-Викторский

О ВНУТРЕННЕЙ БЕСЕДЕ

Затем следует внутренняя беседа, которая есть разговор с самим собою и о самом себе, рождающий презрение к самому себе. «Внутренней» она называется потому, что муж обращается к самому себе, когда внутренний человек не беспокоим внешним, когда выведываются тайны сердца, когда в презрении к себе рассматриваются и обозреваются ум и сознание. Эта внутренняя беседа осуществляется тремя способами: через вдохновляющую благодать, через рассуждение, через молитву. В благодати она берет начало, рассуждением побуждается, молитвой оформляется. Берет она начало в раскаянии, побуждается благочестием, оформляется в благой воле. Раскаяние прорывается в жалостном плаче, благочестие возносит ум к небесному, благоя воля скоро ведет к действию; жалостный плач ожидает милосердия Божьего, вознесенный ум пронизывает глубины сердца, действие благой воли показывают презрение к самому человеку. О жалостном же плаче сказано пророком (Пс 6, 9): *Услышал Господь голос плача моего.*

Плач, т. е. слезы ради отпущения грехов, обращен не к нам, но к Богу. И этот плач полезен и благочестив, плач же благочестивый, но бесполезный — это плач о смерти родителей, а плач не благочестивый и бесполезный — это плач об утрате временных благ. О вознесенном же уме, который пронизывает глубины сознания, так написала премудрость на треножке Аполлона: «Слово исходит с небес: γινῶμι σεαυτόν (т. е. „Познай самого себя“). Треножка Аполлона — тройной смысл мудрости: исторический, мистический и моральный. Посредством исторического смысла внешний человек нисходит ко внутреннему; посредством мистического смысла внутренний человек проникает в тайны сердца, т. е. в ум и сознание, и исследует их; посредством морального смысла познает, откуда он, что он и для чего: и так он отмечает нравственность устройства человека. Откуда он? Из глины, т. е. из праха земного. Что он есть? Сосуд глиняный; но следует опасаться, как бы не стал он сосудом греха. Для чего он? Чтобы обратиться в пепел земной. И это низменное происхождение человека, а также его жалкую гибель со всей очевидностью описывает Иов, который говорил о себе, сидящем и спящим в пепле: в пепле сидит и спит тот, кто, погрузившись в тщету переменчивых [вещей], не может очнуться без великого труда. *Всякая плоть — трава*, пишет Исайя (Ис 40, 6). И Давид поясняет: *Которая утром цветет* и т. д. (Пс 89, 6). «Утром», т. е. в детстве и в юности, «цветет», но «вечером», т. е. в смерти,

«засыхает»: окостеневаает в трупе и рассыпается в прах, ибо после человека — труп, после трупа — черви, а после червей — пепел. Потому и сказано (Иоил 1, 17): *Истлели зерна под глыбами своими*, т. е. плотские люди в зловонии похоти. Это — об изменчивости человека. А это — о труде его (ср. Пс 89, 9): *Годы наши словно пауки*, т. е. мы, живущие во времени, уподобляемся пауку: паук поглощает свое нутро, чтобы выткать паутину и поймать в нее ничтожную добычу, т. е. муху: так и мирские люди работой разрушают свои тела, чтобы заслужить ничтожную награду, т. е. преходящие [блага], подвергаясь при том множеству опасностей. Итак, слово премудрости, [начертанное] на треножнике, наставляет в этих трех [вопросах], т. е. откуда человек, что он и для чего. А в другом месте тот же моральный смысл премудрость выражает с еще большей ясностью: *Живи с собою, испытывай [себя], и не ищи ничего сверх себя*. Тот живет сам с собою, кто не нарушает границы природы, т. е. хранит умеренность по отношению к вещам и к жизни, кто обладает смирением и избавляется от всех излишеств. Тот внутренне испытывает себя, кто уподобляется гончару, проверяющему постукиванием, цел сосуд или поврежден. И тот не ищет ничего сверх себя, кто не верит лукавым словам, не говорит в сердце и сердцем, но, не доверяя себе, надеется и уповаает на одного только Бога.

ОБ ОСМАТРИВАНИИ

«Осматривание» — имя, имеющее два значения. В самом деле, «осматриванием» в смысле «осмотрительности» называется вид благоразумия — предусмотрение о будущих делах и осторожность в словах. Насколько же «осматривание» является видом созерцания, настолько этим именем называется исследование духа, посредством коего он при помощи разумения, совещания и выбора созерцает мирские вещи. Действительно, посредством разумения дух последовательно изучает мирские [вещи], посредством совещания взвешивает и вникает в них, посредством выбора различает и избирает их. Последовательным изучением дух постигает изменчивые, бранные и преходящие мирские [вещи]. Избирающее исследование духа выявляет, что эти вещи, хотя они и преходящи, суть как благие, так и дурные, и противоположны как благу, так и злу. Избирательное различение совещания отделяет благое от дурного; среди благого избирает большее, а среди противного, если его невозможно избежать, избирает наименее вредоносное. Итак, дух пользуется этими тремя силами, для того чтобы осматривать, т. е. благоразумно предусмотрительно и избирающее созерцать мирские [вещи], дабы не смутиться множественностью временных благ, не искутиться их разнообразием, не впасть в отчаяние из-за многочисленно-

сти противостоящих зол; и в этом терпении терпеливо переносящим приуготовляется вечный венец. Итак, в этом осматривании главную роль играет выбор, т. е. различие, называемое «судом» различного. И об этом различии говорит Ориген: « [Сами по себе] богатства [мирские] не суть благо или зло, поскольку при сотворении своем они, вне всякого сомнения, были благи, а именуются они злом из-за тех, кто ими злоупотребляет». И потому, согласно пророку, дабы не искусился дух, *когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердце* (Пс 61, 11). А сердце к богатству прилагает тот, кто странствует по всему миру, чтобы приобрести его, тот, кто копит и берегает, но не тратит, обогащая не себя, но других, и кто ради богатства часто обрекает себя на жалкую смерть в море, или в огне, или в железе. И поскольку мирские [вещи] опасны, вредоносны и гибельны, их следует избегать, как сказано евангелистом Иоанном: *Не любите мира, ни того, что в мире... Ибо все, что в мире: вожделение плоти, вожделение очей и гордость житейская* (1 Ин 2, 15–16). Здесь он различает три ловушки мира, посредством которых мир привлекает всякую человеческую плоть, овладевает ею и ведет к гибели. Первая ловушка называется вожделением плоти, и из нее произрастают три сладострастия: обжорство, пьянство и разврат. Вторая ловушка — вожделение очей, т. е. вожделение всех внешних вещей, поскольку всякое желание входит вовнутрь через очи души. Третья ловушка — гордость житейская, которая именуется самопревознесением духа: и это — собственный порок дьявола, и именно за него, а не за что-то еще он будет наказан.

И этими тремя [ловушками] пожелал Господь быть искушаемым, дабы, победив, научить побеждать [других]. Вожделением плоти, т. е. обжорством, Он был искушаем тогда, когда дьявол сказал: «*[Если Ты Сын Божий], скажи, чтобы камни сии сделались хлебами*» (Мф 4, 3); вожделением очей Он был искушаем тогда, когда дьявол показал Ему все царства мира; гордостью — когда дьявол сказал: «*Бросься вниз*» (Мф 4, 5).

И этими тремя ловушками дьявол и по сей день искушает нас, но, наставленные примером Господа, да победим мы обжорство воздержанием, корыстолюбие — щедростью, гордыню — смирением. Итак, муж, сильный в добродетелях, служащий силами своими Царству Небесному, осматривается благоразумно: дух в молитве советуется с Богом, советом предусматривает, предусмотрением различает и остерегается, дабы не впасть в согласие с соблазняющей плотью, не поверить лукавому миру, не подпасть [под влияние] идущего за ним по пятам дьявола, но чтобы противопоставить христианскую жизнь порокам мира, предпочесть христианскую истину мирским заблуждениям и обманам, а христианскую добродетель — мирским страстям. И кто поступает так, тот презирает себя и мир. Себя презирает тот, кто полагается и надеется не на свои силы и знания, но только на Бога.

Мир презирает тот, кто его богатство, силу и славу решительно отвергает как безумие. Здесь — ложе созерцающих, здесь обретает благодать кроткий, здесь успокаивается дух.

7

О ВОСХОЖДЕНИИ, ЧЕТВЕРТОМ ВИДЕ СОЗЕРЦАНИЯ

*О созерцании
и его видах*

Затем следует четвертый вид созерцания, который описывается так: восхождение есть движение духа к бессмертному в вышних. Отсюда слова пророка: *Блажен человек, которому помощь от Тебя: восхождения положил он в сердце своем* (Пс 83, 6).

I. О трех восхождениях Христа

Три суть восхождения Христа, три суть и наши. В самом деле, Христос сперва взшел на гору, затем — на крест, затем — [на небеса] к Отцу. На горе Он наставил учеников, на кресте искупил пленников [греха], на небесах прославил избранных. На горе Он изложил учение о смирении, на кресте явил любовь, на небесах даровал венец блаженства. Когда учил на горе, мир попрали; когда страдал на кресте, лишил ад его силы, когда взшел к Отцу, небеса обогатил. Во-первых, попрали невежество, во-вторых, гордость, в-третьих — несчастье. Во-первых, исцелил слепого, устранив невежество, во-вторых, унижил гордеца, поразив гордость, в-третьих, осчастливил униженного, устранив несчастья. Во-первых, народ, который блуждал в потемках, узревает свет великий. Во-вторых, ученик, следующий Христу, оставив все, что было у него, несет крест свой. В-третьих, одержавший победу восхваляет Бога во веки веков. Во-первых, Христос сделался достойным быть учителем, во-вторых — отцом, в-третьих — спасителем. Во-первых, ниспослал свет знания, во-вторых, высшую справедливость, в-третьих — обетование славы. И к этим трем призывают слова пророка (ср. *Ос 10, 12*): *Просвещайте себя светом знания, распахивайте у себя новину, пожинайте милость!*

II. О трех наших восхождениях

У нас есть три восхождения: первое — в действовании, второе — в чувстве, третье — в разуме.

1. О ВОСХОЖДЕНИИ В ДЕЙСТВОВАНИИ

И, во-первых, о восхождении в действовании: *Кто говорит, что пребывает во Христе, тот должен поступать так, как Он*

поступал (1 Ин 2, 6). Страдая за нас, Он дал нам пример, дабы мы шли по следам Его. Итак, наше восхождение в действовании тройко. Одно — в исповеди о провинностях, второе — в подаении милостыни, третье — в презрении к богатству. Первое заключается в делах покаяния, второе — в деяниях милосердия, третье — в деяниях совершенной праведности. В первом достигается победа над дьяволом, во втором — победа над миром, в третьем — победа над самим собой. Над дьяволом — осознанием нечестия; над миром — расхождением средств, над собой — умерщвлением воли. Итак, первым заслуживается прощение, вторым — благодать, третьим — слава. В первом — ненависть к нечестию, во втором — к избытку, в третьем — к тщете. В первом — любовь к истине, во втором — к порядочности, в третьем — к чистоте. О первом читаем: *Я сказал: «исповедаю Господу преступления мои», и Ты снял с меня вину греха моего* (Пс 31, 5); о втором читаем: *Он расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки* (Пс 111, 9). О третьем говорит Сам Христос (Ин 12, 26): *Кто Мне служит, Мне да последует*. Первое — оплакивание совершенного, второе — раздача имущества, третье — оставление всего. В первом мы становимся рабами, во втором — свободными, в третьем — сынами. В первом мы соблюдаем заповеданное, во втором прислушиваемся к советам, в третьем заслуживаем небесные харизмы. Первое производит полезное подчинение, второе — достойную выгоду, третье — справедливое первенствование. В первом мы покидаем землю невзгод и мучений, во втором — встаем на путь праведности, в третьем просвещаемся светом знания и умащаемся маслом радости. В первом излечивается наш внутренний человек, во втором он украшается добродетелями, в третьем питается сладостной пищей созерцания. Первое становится очистителем совести, второе — врачевателем праведности, третье — младшая сестра ангельского могущества и славы.

2. О ВОСХОЖДЕНИИ В ЧУВСТВЕ

Восхождение в чувстве тройственно. Первое — восхождение к совершенному смирению, второе — к совершенной любви, третье — к чистоте созерцания. К совершенству смирения ведут три ступени, к совершенству любви — три ступени, и к совершенству созерцания также три ступени.

а. О смирении

Смирение есть сила, посредством которой человек, познающий себя, умаляет самого себя. И Спаситель, сидящий одесную Отца,

[тогда еще] в нашей, [человеческой], жалкой плоти и бедности, так наставлял учеников в смирении: *Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так и т. д.* (Лк 22, 25). Также: *Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф 18, 3). Также: *Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное* (Мф 19, 14). О третьем: *Итак, смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время* (1 Петр 5, 6). О втором: *Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе со всем почтением* (Еф 6, 1). О первом: *Жены, повинуйтесь своим мужьям* (Еф 5, 22), причем под «женами» понимается плоть: ибо наилучшим образом устроен тот дом, где плоть преобладает над духом. *Выгони, —* говорит Писание, *— эту рабыню и сына ее, ибо не наследует сын рабыни с сыном свободной* (Быт 21, 8). Итак, первое — от природы, второе — от обучения, третье — от праведности. Или: первое относится к праведности, второе — к благодати, третье — к природе: в самом деле, праведно подчиняться Богу, благодатно подчиняться ближнему, естественно предпочитать дух плоти. Или: первое есть подчинение лучшему, второе — равному, третье — более низкому. Или: первое есть смирение из-за прегрешений, второе — благодаря приобретенным добродетелям, третье — благодаря братской помощи. Или: первое есть смирение вплоть до упрёка, второе — вплоть до раны, третье — вплоть до мольбы о смерти. Или: первое — в стенаниях кающихся, второе — в скорби упражняющихся, третье — в чувстве любящих. Первое есть усилие, второе — раскаяние, третье — смиренное низвержение. Первое опасается, второе надеется, третье любит. Первое на равнине, второе на холме, третье на горе. У подножья кающиеся, на склоне воздыхающие, на вершине любящие. Сначала вышли из Египта и ели опресноки; затем странствовали по пустыне и питались манной; затем вошли в землю обетованную и обрезанные праздновали Пасху. Через стенания мы, понятно, выводим из тьмы греха изнуренное сердце и сокрушенный дух, не отверженный Богом; через слезы и воздыхания мы, раскаявшиеся, движемся от добродетели к добродетели; через действие кротости и рвение благочестия мы, очистившиеся и разоблаченные, достигаем цели желанной любви.

в. О любви

Итак, остается сказать о любви, цель которой мы должны постигнуть согласно воле Божьей. Любовь есть упорядоченное благоволение, обращенное на того, на кого следует его обращать. Иначе: любовь есть движение духа к ближнему ради Бога и наслаждение Богом ради Него Самого. При этом упорядочен-

ная любовь имеет три вида: мы любим и Бога превыше всего, и ближнего как себя самих. Себя самих мы любим с тем, чтобы подчинить плоть духу, дух разуму и разум — Творцу. В первом человек благопристоен, во втором — ясен, в третьем — свят. В первом он достопочтенен, во втором — достохвален, в третьем — удивителен, молвой славен, жизнью возвышен, советом крепок, действием чист, в речах осмотрителен, рассуждением безмятежен. В первом человек через подчинение обретает знание, во втором — благоразумие, в третьем — мудрость. Благодаря первому он познает, как благопристойно расположить внешнее, благодаря второму — как праведно управлять внутренним, благодаря третьему — как с пользой желать небесного. Первым человек благ в себе самом, вторым полезен ближнему, третьим любезен Высшему. Благодаря первому он благопристоен в действиях, благодаря второму упорядочен в чувствах, благодаря третьему утончен разумом. И это то, чего страстно желает невеста в Песни Песней, так упорядочивая в себе любовь: *Царь ввел меня в дом пира; и знамя его надо мною — любовь, подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви* (Песн 2, 4). И что есть этот дом пира, как не тот святой ангельский хор, который опьянен вином духовного разума, украшается цветами небесной радости и танцует, блаженный, в славе высшей божественной теофании. В этом порядке стремится упорядочить себя невеста, по его подобию она желает жить: тройственно в тройственном порядке небесных сонмов. Одни предстоят другим и обладают различными обязанностями. В самом деле, первый лишь повелевает, второй только подчиняется, третий, расположенный в середине, и повелевает, и подчиняется: подчиняется первому и повелевает третьим. И так в одном и том же порядке одни только просвещают, другие — только просвещаются, третьи и просвещают и просвещаются: средний сонм получает от высшего то, во что посвящает низших.

с. О созерцании

Рассмотрим также нашу жизнь, которая имеет тройственное деление: на действие, на чувство, на разум. Разум просвещает, действие просвещается, чувство и просвещает и просвещается. Разум повелевает, действие подчиняется, чувство подчиняется разуму и повелевает действием.

ПЕРВЫЙ ПОРЯДОК: ДЕЙСТВИЕ

Действие наше должно быть тройственным: полезным, достойным, необходимым. Необходимость повелевает, полезность подчиняется, достоинство подчиняется необходимости и повелевает полезностью. Необходимое есть отречение от безумствования,

достойное есть отказ от следования неразумному, полезное есть избегающее бездействия. Противоречить необходимому никто не может, против достойного выступать никто не должен, против полезного выступать никому не надлежит. Первое есть дело природы, второе — дело благодати, третье — дело прилежания. Жизнь, смерть, дыхание, размышление, питание — это в праве природы. К необходимому относится совершение всего такого прочего, сокрытие непристойного, покрытие членов тела. Избегать позора, сохранять согласие с согражданами, благодарить друзей, противопоставлять врагам хитрость, а бедствиям — кротость, и все такое прочее — это относится к достоинству. Искать того, чем не обладаешь, сохранять найденное, умножать сохраненное, правильно учить детей, благо разумно наставлять учеников, избегать пролития крови, заниматься домостроительством, иметь попечение о согражданах, побеждать неприятеля и тому подобное — это относится к полезному. Итак, необходимое повелевает над достойным, а достойное — над полезным. И достаточно о тройственном действии в первом порядке.

ВТОРОЙ ПОРЯДОК: ЧУВСТВО

Теперь о порядке втором. Тот, Кто наставляет человека в знании, да научит нас тому, что полезно и приятно для нас. Нечто собственно для разума, нечто — для души, а нечто обще и плоти, и духу. Собственным для разума являются советы, для души только — рвения, а для души и тела — занятости. Советы только просвещают, занятости только просвещаются, а рвения — и просвещают и просвещаются.

О советах

Совет есть аргумент в пользу совершения или не-совершения чего-либо. Совет бывает трех видов. Одни советы позволяют избежать геенны, другие направляют земную жизнь, третьи наставляют в любви к небесному отечеству. Благодаря первым избегают провинности, благодаря вторым стяжают благодать, благодаря третьим — славу. Итак, первые советы изгоняют немощь, вторые дают здоровье, третьи даруют счастье. Первые ведут грешников к исповеди, вторые — к умерщвлению пороков, третьи — к созерцанию небесных благ. Посредством первых мы одерживаем верх над неприятелем, посредством вторых мы в радости примыкаем к тем, кто идет в небесное отечество, посредством третьих соединяемся с сообществом уже обретших блаженство. Первые выводят несчастных из темницы смерти, вторые ведут счастливых к укреплению добродетелей, третьи украшенных добродетелями возносят к высшему. Первые гласят: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф 3, 2). Вторые: *Научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову; тогда придите — и рассудим, го-*

ворит Господь (Ис 1, 17). Третьи: *Ибо, где будет труп, там соберутся орлы* (Мф 24, 28). Первые: *Бегите из среды Вавилона и спасайте каждый душу свою* (Иер 51, 6). Вторые: Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости (Еккл 9, 10). Третьи: *Великое множество людей... стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих* (Откр 7, 9). Первые: *Скажи ты первый о беззакониях твоих, дабы был оправдан* (ср. Пс 50, 5–6, Иов 13, 23). Вторые: *Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли* (Ис 1, 19). Третьи: *Вместо пепла дастся украшение, вместо плача — елей радости, вместо унылого духа — славная одежда* (Ис 61, 3). Первые: *Веселье беззаконных кратковременно, и радость лицемера мгновенна* (Иов 20, 5). Вторые: *Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф 5, 20). Третьи: *Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* (Мф 13, 43). Первые: Три свидетельствуют в аду: огонь, черви и отчаяние. Вторые: *Три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь* (1 Ин 5, 7). Третьи: *Три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух* (1 Ин 5, 8). И заметь, это потому, что *Царь, сидящий на престоле совета, разгоняет очами своими все злое* (Притч 20, 8). Оттого Иов, утратив все имущество, лишившись своих сыновей, мучимый телесным недугом, попрекаемый своей женой, получая коварные советы от одних своих друзей и открыто поносимый другими, не поддался им, но, стойко перенося несчастья, вдвойне обрел свое на земле, а ныне наслаждается вечным блаженством в отечестве живых. Поэтому Соломон говорит: *Без совета не делай ничего, и когда сделаешь, не раскаивайся* (Сир 22, 21). Рвения же по отдельности подчиняются советам, а советы, соответственно, повелевают занятиями.

О рвениях

Рвения души бывают трех видов. Первый — отказ от пороков, второй — подражание добродетели, третий — прославление на небесах.

О первом рвении, в котором отказываются от порока. Первое рвение также трех видов. В самом деле, первый вид первого рвения: не извращаться по совету нечестивых; второй первого: не становиться на путь грешников; третье первого: не восседать на кафедре зачумленных. Рассмотрим оттенки слов и достоинство мысли. Сперва полагает: по совету, на пути, на кафедре; затем: нечестивых, грешников, зачумленных; затем: извращаться, становиться, восседать. Нечестивые чувством, грешники намерением, зачумленные действием; или: нечестивые

Православие и Запад

ХРИСТОС ЯННАРАС

Yannaras Ch. Orthodoxy and the West // Philotheos. International

Journal for Philosophy and Theology. No. 2. 2002. С. 72–87.

Перевод с английского Елены Чепель

Историческое развитие христианства на Западе, его неприкрытая секуляризация, не является результатом только случайных обстоятельств. Оно не было и непреднамеренным накоплением ошибок церковных пастырей и светских правителей. Исторический путь западного христианства являет гораздо более глубокое и существенное отпадение (alienation). Оно представляет собой заметное видоизменение церковного опыта ранних христианских общин и последующего выражения этого опыта на Вселенских соборах первых восьми веков.

Когда в 1354 Дмитрий Кидонис переводил в Константинополе на греческий язык Фому Аквинского, это видоизменение уже было явно завершено и официально сформулировано в текстах соборных и папских постановлений и в богословских трудах. Оппоненты Кидониса, прежде всего, Григорий Палама и Нил Кавасила, обнаружили и осудили это отпадение от церковной истины и совести на Западе. Такое же отношение мы видим у более ранних служителей Церкви, таких, как Фотий великий, Николай Мистик, Сергей Константинопольский и Михаил Керуларий. Но во все времена одного только осуждения этого отпадения было недостаточно для того, чтобы разубедить его сторонников, особенно если не было критерия, чтобы различить его, и духовной зрелости, чтобы понять последствия такого отпадения.

Пожалуй, у св. Григория Паламы, архиепископа Фессалонийского, можно найти наиболее ясное понимание того, что нововведения западной церкви — это не просто новая «ересь» на теле христианства, то есть неправильное понимание или искажение установлений церковного опыта, или даже его разрушение. Скорее, они оказываются отпадением от самой сути

церковной истины, другим «христианством», прямой противоположностью евангельского способа жизни и спасения человека.

Нововведения Запада могут быть объединены в одном явлении, которое можно назвать «религизацией» (religionization) Церкви. Христианство появилось в истории не как новая религия, а как провозглашение нового способа существования. Это был способ, с помощью которого человек мог перенести свое существование от смертной биологической индивидуальности к личностным отношениям, то есть существовать как отношение любви и общения жизни рядом с другими «членами» тела, которое есть Церковь.

Именно это изменение способа существования, понимание приоритета Церкви как тела, в котором объединены жизнь и существование, было утеряно на Западе, и христианство было превращено в индивидуалистическую «религию». Другими словами, христианство было превращено в некую идеологию индивидуальных убеждений, в моральную систему индивидуальных заслуг и в общественный институт контроля за убеждениями и моралью отдельных людей.

Это было отпадением от христианской благой вести, которое имело такие широкие практические последствия, каких не имела прежде в истории Церкви ни одна другая, вызвавшая разделение, ересь. Ни одна другая ересь не изменила в корне образ христианской жизни, не создала цивилизацию, в которой элементы христианского благовестия были бы перевернуты. Церковное понимание существования и истины вошло в историю человечества как коренной переворот, предоставив людям новый способ жизни и заложив основу для последующей тысячелетней цивилизации (нового Рима и греческого христианства). Религиозное отпадение от этого понимания настолько извратило как евангельскую, так и эллинскую отправную точку понимания человеческой жизни, что привело к возникновению другой цивилизации, той, которая длится и по сей день и господствует в настоящее время во вселенском масштабе.

*

Евангелие, Благая Весть, провозглашенная христианской Церковью в истории человечества, указывала на возможность человека преодолеть смерть, стать свободным от ограничений своей смертной природы.

Это провозглашение было «откровением». Это было откровение не в смысле недоказуемой «сверхъестественной» информации о существовании Бога и духовного мира, а, скорее, в смысле эмпирического свидетельства, которое «открывает» для человека возможность быть победителем смерти.

Это эмпирическое свидетельство подтверждает осязаемое прикосновение исторического события: в конкретных географических и временных обстоятельствах одна историческая Личность Иисус Христос воплотил в себе эту «открытую» экзистенциальную возможность, а именно возможность для человека существовать в модусе нетварной Божественной «природы».

Христианская Церковь не только предлагает людям принять своим умом как априорный принцип или аксиому то, что Христос был настолько же Человеком, насколько Он был Богом. Церковь не просит о «вере» в смысле индивидуального интеллектуального подчинения «сверхъестественному» факту. Церковь представляет свидетельство опыта первых «свидетелей», видевших собственными глазами «проявление» Бога в личности Христа, и приглашает людей эмпирически участвовать в таком способе существования, которое подтверждает свидетельство непосредственных свидетелей.

Сообщение, которое провозгласили эти свидетели и которое подхватила Церковь, было передано средствами человеческого языка в качестве «керигмы», так как опыт Церковного тела не есть алогичный или иррациональный мистицизм. Керигма Церкви это рациональное провозглашение и прояснение ее опыта, необходимая отправная точка для участия человека в этом опыте. Но знание рационального провозглашения не может заменить непосредственный опыт, личное участие и личную уверенность. Это лишь основание для апофатизма, который является одним из путей приближения к церковной керигме. Апофатизм — это отказ исчерпывающе охватить истину, формулируя ее, отказ отождествить знание истины с пониманием ее рационального провозглашения.

Сообщение Церкви относит откровение о *личном* существовании Бога и о *личных* возможностях человека к присутствию Христа в истории.

Религиозные мифологии часто персонифицировали божество с помощью наивных образных понятий, без притязаний на истолкование самого явления существования и его каузального принципа. С другой стороны, философский поиск такого истолкования, как оказалось, невозможно совместить с иррациональными антропоморфными персонификациями божества. Сам этот поиск всегда останавливался на отвлеченном понятии экзистенциально неопределенного «высшего Сущего», логически необходимой первопричины мира, неподвижного перво двигателя. Но эта теоретическая концепция оставалась для человека так же эмпирически недоступной, как и образный миф персонификации.

Древнегреческая философия разработала самую систематически и ясно выраженную теологию. Это была теология, разработанная для нужд и возможностей человеческой рациональности:

рациональное требование предопределяло и устанавливало, как неоспоримую необходимость, существование Бога, а сам факт его существования оставался исключительно теоретической гипотезой. Даже несмотря на то, что Бог эмпирически недоступен, Он должен по необходимости существовать из-за логического требования существования первопричины всех существующих вещей. Мы умственно постигаем первопричину не как конкретное существование, а как абстрактную «сущность», т. е. как сумму атрибутов, которой первопричина существующих вещей должна обладать, чтобы быть действительно «божественной».

Это высшее Сущее, которое мы зовем Богом, должно, следовательно, в соответствии с логосом своей сущности быть безначальным, бессмертным, бесконечным, всемогущим, всемудрым, нематериальным, бесстрастным, чистым умом. Конечно, такое понимание отделяет сущность Бога от реальности мира и человечества. Бог должен быть по необходимости Творцом (и даже, возможно, Спасителем) мира, но никакая рациональность не может объяснить, как из нематериального и бесконечного происходит материальное и конечное, а из бессмертного и нетленного — смертное и тленное. Вот почему философская мысль всегда оставляла вопрос о материи онтологически непроясненным. Материя признавалась всегда сущей, вторым полюсом самостоятельного существования, соотносящимся с божеством, другими словами, приходилось пользоваться иррациональностью «сверхъестественного» и «чуда», чтобы объяснить ее творение Богом.

*

Проповедь Церкви относит откровение способа божественного существования к исторической личности Христа. Бог не перестает быть непознаваемым и недоступным в Своей «Сущности». Но эта недоступная и непознаваемая сущность открывается Христом, существующим в личном существовании, то есть как человек. Нетварная «природа» Бога и тварная природа человека имеют общий модус существования, и этот модус есть реальность личности.

Быть личностью значит иметь существование с самосознанием и логос с его способностью к связи и взаимоотношениям, существование с активной инаковостью по отношению как к личности, так и к самой природе. Таким образом, человеческое существование лично, потому что оно обобщает все атрибуты природы, которые едины для всех людей, и в то же время оно «ипостазирует», превращает в экзистенциальную реальность эти общие атрибуты неким уникальным, непохожим на другие, неповторимым способом. Человеческая природа (человеческое

существо вообще) имеет способность к логосу, суждению, воображению, воле, творчеству и эросу. Но каждое отдельное человеческое существо выражает себя, судит, воображает, изъясняет волю, творит, любит способом, экзистенциально иным по отношению к любому другому человеческому существу. Это значит, что каждая личность активизирует свое существование с помощью общих энергий (функций-возможностей) общей человеческой природы, но в то же время экзистенциально она эк-статична, то есть вы-ходит из общего и универсального, и свободна от предустановленной природной схожести формы. И это экзистенциальное вы-хождение всегда открывается в межличностных отношениях и связано со способностью человеческого существования к общению.

В присутствии Христа в истории Церковь эмпирически утверждает аналогичное (*mutatis mutandis*) личное выхождение Бога, Его экзистенциальную свободу от Своей нетварной природы. Мы неверно пользуемся терминами природы и сущности Бога, поскольку невозможно человеческим опытом подтвердить постижение «нетварного». Тем не менее, мы подходим эмпирически к личностному модусу существования этой нетварной «природы», к личностному выходению Бога из Его собственной «природы», к Его способности активизировать личностную Ипостась, даже с помощью модуса тварных энергий человеческой природы. Свободный от любого предопределения сущности или природы, Бог ипостазирует в Своей Личности (личности Христа) не только Свое собственное сущее (нетварную сущность или природу), но также тварное бытие человека. А ипостазировав одновременно две природы в одной личностной ипостаси Христа, Он сохраняет природные атрибуты каждой из природ, не подчиняясь никакой необходимости экзистенциально реализовать эти атрибуты. Вот почему Христос может «приостановить» или «опустошить» «славу» Своего Божества, «облекшись в наше уничиженное тело» так же, как Он способен опровергнуть бремя Своего материального человечества, когда идет по водам Генисаретского озера. Если Личность это то, что ипостазирует Бытие, тогда никакая необходимость природы или сущности (божественной или человеческой) не может быть предпосылкой ограничения экзистенциального провозглашения личностной свободы. Тогда нетварный Бог может существовать в модусе тварного человеческого существования, но также и тварное человеческое существо может существовать в модусе нетварного Бога (в той степени, в которой его личные экзистенциальные возможности освобождены от необходимостей природы). Следовательно, человек может победить смерть.

Благая весть Церкви основана на этом главном откровении: начальный принцип существующего, само явление существования есть не природная, рациональная или какая-то другая необходимость, а только личностная свобода.

В присутствии Христа в истории церковный опыт познает личностную Ипостась Бога не как «природное» (или «сверхприродное») индивидуальное существование, а как экзистенциальное отношение ко второй божественной личностной Ипостаси. Христос — Сын и Логос Бога Отца, Он не существует для Себя, Он не ищет экзистенциальной автономии, Его существование это свидетельство и провозглашение Личности Отца. И это экзистенциальное свидетельство личности Логоса становится доступно в церковном опыте с помощью добродетели посредничества третьей личностной Ипостаси: Духа Божьего, Параклита. Дух активизирует свидетельство о Логосе не как простую информацию о Боге Отце, а как животворящую возможность, открытую для каждого личностного существования, желающего принять усыновление — желающего принять и реализовать с Богом те же отношения жизни, которые Сын имеет с Отцом.

Открывая себя как Сына Божьего, Христос открывает, что Отец — это имя, которое выражает самым полным образом Ипостась Бога, то, чем Бог действительно является. Он есть животворящее начало, которое рождает, начальная возможность отношений любви, которая ипостасирует сущее, превращает его в ипостась. Начальная возможность существования, источник и причина сущего — это для Церкви не некая изначальная сущность, которая начинает существовать личностным образом. Скорее, это, прежде всего, Личность, абсолютно свободная от всякой необходимости и предустановлений сущности и природы, которая только потому, что любит, ипостасирует Свое Сущее, Свою Сущность, вечно рождая Сына и вечно посылая Святой Дух.

Личность Бога Отца предпосылает и определяет сущность и сама не предопределяется ничем. Это значит, что Бог не обязан Своей сущностью быть Богом. Он не подчинен необходимости Своего существования. Бог существует, потому что Он Отец, Тот, Кто свободно подтверждает свою волю существовать, рождая Сына и посылая Духа. Он существует потому, что Он любит и любовь — это только явление свободы. Свободно и по любви Отец (вне времени и любя) ипостасирует Свое Сущее в Троице Личностей, составляя логос-модус Своего существования как общность (communion) личностной свободы, общность любви. Опыт Церкви дает одно единственное определение Бога: Бог есть любовь; то, что есть Бог — есть любовь; Бог существует как любовь и модус, которым Бог существует, есть любовь.

Таким образом, благовестие Церкви — новая весть, обращенная к истории человечества — суммирована в этом фундаментальном предложении-приглашении человеку: также существовать в модусе Бога, модусе свободы от всякой необходимости тления и смерти, модусе любви, эроса, само-трансцендентности. Человек приглашается сообразоваться с модусом существования Божественных Личностных Ипостасей, прекратить извле-

кать свое существование из природы, из своей биологической и психологической индивидуальности, которая тленна и смертна, и переместить возможность существования на свободу личностных отношений, на жизнь как общность любви.

Это предложение-приглашение есть не просто этический призыв. Этических призывов и ответных им этических усилий не достаточно, чтобы изменить модус существования смертного индивида. Не важно, насколько человеческое индивидуальное существо развивает идеальный характер дружеской взаимности и бескорыстия. Не важно, как много добродетелей оно разовьет, оно останется смертным — «ведь невозможно человеку преодолеть собственную природу». Конечно, природа человека наделена возможностью личностного существования, возможностью экзистенциального вы-хождения из природы. Но даже эта возможность остается связанной границами тварного, эфемерного и смертного.

Церковь говорит, что для человека, чтобы существовать в модусе Божественных Личностных Ипостасей, то есть существовать, потому что он любит и только в той степени, в какой он любит — необходимо «снова родиться». И это не символическое выражение какого-то мистицизма, но реалистическое пояснение о модусе, которым строится жизнь. Каждая форма жизни это только «рождение», дар и благодать, «таинство», недоступное для каузальных предустановлений. Поскольку наше биологическое существование и наша субъективная инаковость нам дарованы, постольку наше участие в истинной жизни личностной свободы от смерти также есть дар по благодати.

Благовестие Церкви отождествляет это харизматическое таинственное возрождение с прививанием человека к «телу» любящей общности людей, к единству жизни церковного тела. «Тело» означает именно модус существования, в котором «члены» объединяет жизнь; они существуют только потому, что участвуют в животворящем единстве единого Тела. Ни физическое строение отдельного члена, ни его добродетели и достижения — какими бы ни были его индивидуальные атрибуты — не утверждают существование и жизнь. Их обеспечивает только участие члена в общности жизни единого Тела.

В таинстве Крещения человек прививается к единству жизни церковного Тела. В воде, как в первоначальном лоне и исходной точке жизни, человек «погребает» свою экзистенциальную индивидуальность и «восстает» как личностное существование в общности любви, вступает в церковный модус существования. Тело Церкви принимает его, дает ему личное имя, по которому церковь признает его экзистенциальную уникальность и инаковость. Тело признает и любит его тем самым способом, которым это делают Христос и святые, способом, который превращает жизнь в общность.

Центральное место, сердце этой общности — это вечера Евхаристии. Эта трапеза составляет-реализует и провозглашает Церковь. Члены церковного тела сообщают друг другу жизнь не символически или этически, а точно так же, как человеческая природа в действительности реализует жизнь: получая еду, основные виды еды — хлеб и вино, которые, кроме того, составляют годовой цикл работы в жизни человека. Но это принятие пищи служит теперь не для самосохранения каждого отдельного индивидуума, а для общего модуса приближения к жизни членов церковного тела, для межличностной общности (communion) жизни. Это причастие одновременно является «анафорой»-приношением жизни в жертву Богу. Это Евхаристия в модусе экзистенциального принесения в жертву Сына Отцу — благодарение за животворящую любовь, которая делает существование бессмертным.

Таким образом, хлеб и вино, необходимое условие для земного существования человека, принимаемые «кенотически, то есть с эросом», и приносимые Отцу, являются реализацией модуса существования Христа — реализацией настоящей жизни, жизни Бога с его модусом, которым активизировано существование твари, то есть жизни Христа, его Тела и Крови.

Это не магическое «пресуществление» материи в сверхъестественную сущность, ведь мы говорим о жизни, которая свободна от предустановлений сущности или природы. Скорее, это реальное сперматическо-динамическое изменение в модусе существования, прививание человека к плоти Христа, к модусу божественного существования, активизированного «во плоти».

Это прививание предполагает со стороны человека такое же хриstopодобное отречение от потребностей индивидуальной экзистенциальной самодостаточности, такую же готовность принести в жертву свое существование любящей общности братьев, «которые делят общую пищу».

Евхаристия это постоянное возобновление жертвы Христа. Христос принесен в жертву Кресту и смерти, не чтобы «искупить» своей заслугой-жертвой некую юридическую «вину» человечества и умиротворить «гнев» жестокого Бога, который требует «удовлетворения» своей справедливости. Скорее, Христос сам приносит себя в жертву смерти, опустошив себя от всякой потребности самостоятельного существования, получая и усваивая в себе результат экзистенциальной ошибки человека — смерть, и делая это с таким личным эросом, что не может покинуть возлюбленных на не-существование. И это принятие смерти есть принесение, послушание и благодарение Отцу, чья животворящая воля реализуется в жертвоприношении Сына. Таким образом, распятая плоть Христа становится жизнью и воскресением «всей плоти», поскольку через нее троичный эрос активизируется, чтобы принести новую жизнь твари.